

«Для меня он просто Арх»

← Начало на стр. 1

– Говорят, что сам рок-клуб возник при некоем вашем попустительстве?

– Нет, попустительства никакого не было. Сам по себе рок-клуб возник не на пустом месте. Осенью 1969 года студенты-архитекторы начали переезд в собственное здание, и уже на новом месте появилась группа «Синкопа» Сергея Сухова. Это была первая в Архе группа. Затем они менялись, модифицировались. А полноценный рок-клуб возник значительно позже, когда я пришел работать секретарем комитета комсомола.

– Руководство было против, а вы как бы тихонечко спустили на тормозах, не так ли?

– У нас собралось довольно много музыкантов и коллективов. Несмотря на наличие людей, постоянно фиксированных все наши тексты и дознававших, а что за смыслы мы в них подразумеваем. Несколько составов: ансамбль «Акварели», второй – будущий «Змей Горыныч Бэнд», третьим или четвертым считалась группа, включавшая в себя Бутусова. А комплект инструментов был один и тот же, и часто с ними происходила настоящая путаница. Поэтому возникла острая необходимость в настоящем руководителе, администраторе. И он как бы сам по себе появился – Геннадий Егорович Баранов. Благодаря его усилиям и сформировался рок-клуб в том виде, в котором мы его знаем. Его заслуга еще и в том, что он морально поддерживал музыкантов, выводил из депрессий, многие ребята в творчестве устоялись и не бросили. В итоге из бригады, которая ездил по колхозам, даже сформировался «Наутилус-Помпилиус» (лидер группы – Вячеслав Бутусов выпускник Свердловского архитектурного института. – Прим. ред.).

Официальный статус рок-клуб получил после концерта 1981 года в ДК «Автомобилист». Комитет комсомола САИ обладал правами райкома, то есть мог самостоятельно проводить массовые мероприятия. Так, был организован первый рок-фестиваль, прошедший под эгидой научного интереса к новым видам творчества. После концерта прошло заседание, где присутствовал легендарный секретарь по идеологии обкома ВЛКСМ Виктор Олонин. На нем мы разобрали все звуковые дорожки, оставшиеся с фестиваля. И там же было принято решение площадку на базе института сделать экспериментальной, и в результате она стала Байконуром уральского рока.

– Как интересно слились архитектура и музыка.

– Да, музыка и архитектура для меня до сих пор идут рука об руку. Особенно сейчас, когда я занимаюсь фундаментальными вопросами самых основ архитектуры. Не зная музыкальной гармонии, невозможно создавать сложные произведения. Еще немецкие философы отмечали, что архитектура – это застывшая музыка.

– Как интересно слились архитектура и музыка.

– Да, музыка и архитектура для меня до сих пор идут рука об руку. Особенно сейчас, когда я занимаюсь фундаментальными вопросами самых основ архитектуры. Не зная музыкальной гармонии, невозможно создавать сложные произведения. Еще немецкие философы отмечали, что архитектура – это застывшая музыка.

Спрашивал у батюшек: канонично нарисовано или нет?

– А что такое архитектура? Есть классика, «золотое сечение»... (Золотое сечение – пропорция, чтобы ее получить, нужно разделить длину на две части так, чтобы длинная часть соотносилась с короткой в такой же пропорции, как вся линия соотносится с длиной. – Прим. ред.)

– «Золотое сечение» – это как раз то, на чем и споткнулась архитектура. Это сбило ее с пути исследования истинной гармонии. В 30-е годы XIX века первым, кто вознес и стал продвигать эту идею, был немецкий писатель Адольф Цейзинг. Он написал про золотую пропорцию книгу «Эстетические исследования», за которую потом все ухватились и подумали, что да, есть некий идеал, божественная гармония, ставшая постулатом. Именно через данную пропорцию надо было бы описать все остальные пропорции.

ПАВЕЛ ВОРОЖКОВ

В УрГАХУ учатся архитекторы, дизайнеры и художники самых разных направлений, модельеры и керамисты. Это и есть общая художественная атмосфера, которая, по мнению ректора Александра Долгова, покрывает и попسترее, чем в столичных вузах

– Но все не описывается?

– Чистая симметрия выглядит искусственно, потому что само естество гораздо проще и интереснее. В основе архитектуры лежит некое разделение целого на части. Я пришел к тому, что какая разница, какое это будет деление, важно, что мы получаем три величины, которые абсолютно неотрывны друг от друга, из одной вытекает другая. Вот это лежит в основе той теории, которую я разрабатываю, отказавшись от догмата «золотого сечения».

Свое образование я продолжил в аспирантуре Московского архитектурного института. Там мне очень повезло, и я попал в атмосферу, где изучались и теория архитектуры, и ее первоосновы. К этому я относился крайне серьезно, находясь в поиске рационального объяснения архитектуры.

– Учили матчасть?

– Да. Параллельно всегда занимался темой фундаментальной теории. Основная же тема у меня была связана с деревянным зодчеством. В этом направлении я хотел найти основу архитектуры, но для начала следовало изучить что-то самое простое. Ведь без понимания простых единиц рассыплется замок понятий сложных. Так, изучая деревянное зодчество, я три года проездил по деревням.

– Посещали Кижь?

– Нет, только Урал. Я ограничил себя родным регионом. Изучал наши простые крестьянские избы, время их строительства, способы гармонизации и постройки.

– Организацию пространства?

– Организацию формы. Что такое наличник? Как появилась ордера? Система в бревенчатом здании? Оказалось, что народное творчество очень жадно впитывало все, что в него приходило из города. Вековые традиции менялись с развитием прогресса. Научную работу я довольно быстро написал и вернулся в уральскую столицу. Но вернулся с совсем другими представлениями и о деревянном зодчестве края, и о зодчестве России вообще, и о том, где надо искать первоисточник формообразования в архитектуре.

Меня заинтересовали церковное зодчество и искусство, как раз в это время стала доступна литература с каноническим содержанием. Я стал рисовать иконостасы, фасады, храмы, в том числе к тысячелетию Крещения Руси. В 90-е годы появились первые заказы на проектирование культовых зданий. А они требуют, чтобы все было гармонично и красиво. А что за этим скрывается?

Еще в аспирантуре я принимал участие в разработке проекта реставрации двух церквей на Пятницкой улице – Климента Папы Римского и

Троицы в Вешняках. В процессе сложилось представление, что все не так просто, и в то же время не так неестественно сложно, чтобы это не освоить и не заниматься. Позже оказалось, что эти знания были уникальны для того времени. Другие архитекторы практически ничего не знали ни о составе помещений, ни что такое паперть, ни что такое храмовая часть. А я начал участвовать в конкурсах на проектирование храмов и продолжал делать калки на основе этих проектов. Так на меня обратил внимание издательский отдел Московского патриархата.

Мой наставник архимандрит Иннокентий (Провский) сформировал Славянский фонд письменности и культуры. Он включил меня в программу, связанную с народным зодчеством, и дал доступ к редким литературным источникам. И каково было мое удивление, когда я понял, что архитектурные каноны нигде не прописаны. Задал вопрос батюшкам – как они определяют, канонично нарисовано или нет? И они говорят: мы сердцем чувствуем. Интересный ответ на все искания. Вы, конечно, молодцы, но мы сердцем это чувствуем, где есть канон, где нет канона.

В 1991 году Сергей Викторович Токарев попросил помощи с постройкой часовни на месте снесенного храма святой Екатерины. Он отвечал за градостроительную часть, а меня просил предложить образ. Так я начал работу над проектом часовни святой Екатерины. Искал некое гармоничное сочетание плана, фасада, четкую геометрическую систему. Согласование проекта затянулось до 1997 года, и вновь было инициировано фондом «Институт истории и археологии». Новый проект часовни был одобрен градостроительным советом и мэром Аркадием Михайловичем Чернецким и реализован к 275-летию Екатеринбург (часовня построена на площади Труда в 1998-м. – Прим. ред.).

– Дом Севастьянова – «малахитовая шкатулка»

– Еще один ваш проект – дом Севастьянова – стал визитной карточкой Екатеринбурга. Он получил очень яркий и красивый образ. Как вы к этому пришли?

– Да, мне действительно повезло с визитными карточками. Когда я в сувенирную лавку аэропорта захожу, гляжу на магнитики – одна моя постройка, вторая, третья... На них часовня святой Екатерины, старый железнодорожный вокзал, собор Александра Невского, дом Севастьянова, Храм-на-Крови и «Синара». Ключевыми стали вот эти шесть объектов, в которых я непосредственно принимал участие. А дом Севастьянова, конечно, среди них самый любимый, праздничный, доступный...

– И все получилось?

– В соответствии с этим вариантом сделали колеровку фасадов, и родился такой интересный объект. Даже уральский искусствовед Анатолий Михайлович Раскин, знаток классицизма, чей критика я опасался, мой выбор цветов оценил. Все же некоторые архитекторы сокрушались, что надо было решить проект в приглушенных тонах, но тогда не было бы праздника. А так получился образ – малахитовая шкатулка, вот она у нас зеленая, усиленная воздействием красного. Получилось нечто позитивное и радостное, вместо того, чтобы стать серым и болезненным.

– Действительно, очень красивый и парадный.

– Но и у него непростая история, никто не думал, что у нас в городе будет проходить саммит ШОС. Но этот объект был в списке реставрируемых объектов города Екатеринбурга.

– Конечно, это же бывший Дом профсоюзов.

– Не знаю, стояла ли задача сохранить функцию, но конкурс выиграли специальные реставрационные мастерские из Тюмени. Они презентовали хороший проект фасадов, но колористически он представлял собой пятьдесят оттенков зеленого. Тем не менее проект был согласован с Министерством культуры, и на объекте начались работы. Причем времени было мало, на колоссальный объем работ было отведено меньше года.

Снимая краску, мы обнаружили слои красного, хромового зеленого, охристого и белого цветов. Весь центральный барабан за колоннами, да, как бы балкончик, оказался вишнево-красного цвета, прямо как вишня, а архитектурные элементы – белыми. Все эти цвета вполне могли бы сочетаться с тем готическим прочтением фасада, который придумал его архитектор Александр Иванович Падучев.

– То есть таким Дом Севастьянова мог бы быть изначально?

– Да, подобная цветовая гамма была характерна для псевдоготики середины XIX века. Увы, ни на одной фотографии этого запечатлено не было, но по факту присутствовало.

Возникла мысль, почему бы не вернуть исконный колористический вариант? Как научный руководитель реставрации этого дома я должен был зафиксированное переосмыслить и принять решение. Первым делом я отправился к Григорию Васильевичу Мазаеву как к главному архитектору области. Ожидал, что будет несогласие, но он поддержал. И мы решили, что сделаем выкрасы. Я создал альбом для Экспертного совета Министерства культуры и Агентства по охране памятников, на котором выступил и сумел убедить всех, после чего мой вариант был утвержден.

– И все получилось?

– В соответствии с этим вариантом сделали колеровку фасадов, и родился такой интересный объект. Даже уральский искусствовед Анатолий Михайлович Раскин, знаток классицизма, чей критика я опасался, мой выбор цветов оценил. Все же некоторые архитекторы сокрушались, что надо было решить проект в приглушенных тонах, но тогда не было бы праздника. А так получился образ – малахитовая шкатулка, вот она у нас зеленая, усиленная воздействием красного. Получилось нечто позитивное и радостное, вместо того, чтобы стать серым и болезненным.

– Если архитектор не занят практикой – он черствеет

– Вы говорите, что время от времени поднимаете свои калки. Как говорил Чехов, «надо писать хотя бы три страницы в день...». Как строите ваш рабочий день?

– Вы затронули сложный момент, ведь для педагогической работы накопленной базы достаточно, и я вполне мог бы не заниматься ни архитектурным проектированием, ни проблемами архитектурной теории и практики. Планировал бы присутственные места и поездки на рыбалку.

Об этом я мечтал со своим другом, когда поступил в аспирантуру. Но получилось, что мои увлечения время не смогло искоренить. К тому же, я понимаю, если архитектор не занят практикой, то он очень скоро черствеет и превращается в критика.

«Музыка и архитектура для меня идут рука об руку. Особенно сейчас, когда занимаюсь фундаментальными вопросами самых основ архитектуры. Не зная музыкальной гармонии, невозможно создавать сложные произведения»

ДОСЬЕ

ДОЛГОВ Александр Владимирович

- Родился 12 августа 1957 года.
- Окончил Свердловский архитектурный институт и аспирантуру Московского архитектурного института.
- Заслуженный архитектор России, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, кандидат архитектуры, профессор, архитектор-реставратор высшей категории.
- Почетный член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИИК)
- Занимает пост ректора Уральского государственного архитектурно-художественного института с декабря 2019 года.
- Лауреат премии Татищева и де Геннина

ГАХУ под одной крышей учатся архитекторы, дизайнеры и художники самых разных направлений, модельеры и керамисты. Это и есть общая художественная атмосфера, которая покрывает и попسترее, чем в столичных вузах.

Наша архитектурная школа заложила крепкие основы и, однажды отпочковавшись от МАРХИ, стала вполне самостоятельной. Мы стремились к созданию автономной теоретической базы, благодаря чему появились труды Альберта Эдуардовича Коротковского в области архитектурно-композиционного и художественного моделирования. Объединили свежие взгляды на вещи и опыт взрывной постреволюционной архитектуры 20-х. Так, мы приблизились к потребностям растущего промышленного региона, чтобы создавать действительно города, а не типовые промышленные центры.

Конструктивизм – бренд, но классика – критерий истинны

– Екатеринбург называют самым компактным городом-миллионником в Европе. Широкою известность получил местный конструктивизм. Кажется, вы высказывались, что конструктивизм – это не искусство, так это и смысл искажали?

– Даже хуже, приводят мои слова, что конструктивизм это «убожество», хотя это объективно было выдернуто из контекста недоброжелателями. Суть разговора состояла в том, что я неоднократно освидетельствовал объекты культурного наследия, в том числе и конструктивистские. Долгие годы я занимался комплексом на Ленина, 52 и Городком чекистов и меня возмущало, что все на екатеринбургском конструктивизме пиарятся, зарабатывают, а в развитие и сохранение не вкладываются. Экскурсии провозят, книжки пишут, передачи снимают, а носилок с мусором никто не вынесет...

– Да, это справедливо.

– С инженерной точки зрения зданиям уже целый век. Представьте, в каком состоянии конструкции, если железобетон там еще в качестве эксперимента использовался? Во время строительства спешили и сэкономили, поэтому были несовершенны включены металл, дерево, утеплители, даже солома использовалась.

– Seriously сказала экология средств?

– Да, потому что когда ты закладываешь железобетон по технологии, с утеплителем, это влетает в копеечку. Внешне эти здания похожи на то, что должно было быть сделано из железобетона, но на самом деле они из чего попало. Поэтому я и подвел к мысли, что это конструктивное убожество, но акцент на этом делать не стоило.

– Совершенно иной взгляд.

– С композиционной точки зрения, я очень во многих конструктивистских постройках вижу влияние классических объектов, лишенных декора. В голове у архитектора прежде всего живет классическая парадигма, а не проны Малевича (Проуны – плоские изображения, сочетающие простые объемные формы: кубы, призмы, шары, служащие основой для архитектурных идей. – Прим. ред.). Взглянешь на здание, допустим, гостиницы «Исеть», там в снятом виде существует ордерная композиция, завершенный антаблемент, вертикальное членение, общая круглая форма здания, правильно, нижняя такая вот часть, которая соответствует постаменту этого как бы ордера, – вся классика там есть. Да какие же находки-то конструктивистские?! Их там не так много.

– Как говорят, что сверху – это серп.

– Посмотрите еще раз сверху, это очень условный серп. Наверное, каждый видит то, что хочет видеть.

– Ну, я-то молот вижу.

– Да, серп и молот, наверное, и существовали в обособности. Когда в проект политическую составляющую воткнешь, то, возможно, быстрее согласуют и скажут, что это новое слово в архитектуре. Убери отсюда классику, и не останешься ничего, не будет той выразительности, торжественности, мерности.

– То есть для вас классика – некий критерий истинны?

– Да именно критерий, чтобы на его базе с чем-то сравнивать и приходиться к суждениям.

– Нашего личного вопроса. Вама семья – кто и чем занимается?

– Моя супруга вместе со мной окончила Архитектурный институт, какое-то время она работала архитектором в Кургане, я ее перевез в Екатеринбург. Здесь сформировалась наша семья, родилась дочка. Жена работала в школе учителем рисования и черчения, руководила образцово-образовательной студией «Радуга» во Дворце культуры ДК Арты. А позже полностью посвятила себя воспитанию дочери, которая унаследовала художественные дарования. Дочь также окончила архитектурный и работала дизайнером в Австрии.

– Задам традиционный вопрос в рамках областного проекта. Что бы вы назвали достоянием Среднего Урала?

– Вы знаете, я бы назвал усадьбу Харитоновых – Растрогуевых (комплекс, расположенный на Вознесенской горке. – Прим. ред.). Это наше достояние, наш Акрополь. Мы просто не представляем себе, что можно сделать из этого усадебно-паркового ансамбля. Это стало бы бомбой, которую мы могли бы привести в действие.